

Мантова Юлия Борисовна

ДОРОГА В МЕТАФОРИЧЕСКОМ ЛАНДШАФТЕ ВИЗАНТИЙСКОЙ ЖИТИЙНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Статья посвящена анализу метафоры пути в житиях византийских святых. Исследование основано на принципах когнитивной теории метафоры и направлено на выявление метафорических моделей в зависимости от понятий, которые обозначаются с помощью метафоры пути. В ходе работы сравнивается библейская и житийная метафорика пути, прослеживаются изменения и развитие метафорических образов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/6-1/29.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 6 (36): в 2-х ч. Ч. I. С. 110-115. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

(8) *I said the truth is, that he reported that I was sleeping at night* (G4S 101) [Ibidem]. / Я сказал правду о том, что он уже поставил в известность всех, что той ночью я спал.

Получается, что глагол *to inform* выражает пассивный процесс информирования при анонимном источнике, тогда как глагол *to report* активный процесс информирования с указанием источника.

Таким образом, согласно статистическим данным преференциальной является репрезентация категории косвенной эвиденциальности одной временной формой *Past Simple*, при этом образуется «цепь» следующих друг за другом ситуации информирования и ситуации события, связанных отношениями взаимного предшествования / следования. Паритетно представлено традиционное выражение временной координации предшествования ситуации информирования в *Past Simple* ситуации события в *Past Perfect*. Глагол *to inform* в форме *Past Simple*, употребляясь в страдательном залоге, выражает пассивный процесс информирования при анонимном источнике, тогда как глагол *to report* представляет активный процесс информирования с указанием источника, принимая преимущественно форму действительного залога.

Список литературы

1. **Иванова И. П., Бурлакова В. В., Почепцов Г. Г.** Теоретическая грамматика английского языка. М.: Высш. школа, 1981. 285 с.
2. **Ривлина А. А.** Теоретическая грамматика английского языка. Благовещенск: Мир, 2009. 157 с.
3. **Aikhenvald A.** Evidentiality. Oxford: Oxford University Press, 2004. 235 p.
4. **British National Corpus** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (дата обращения: 21.04.2014).
5. **Declerck R.** The Grammar of the English Verb Phrase. Berlin: Mouton de Gruyter, 2006. Vol. 1. The Grammar of the English Tense System. A Comprehensive Analysis. 846 p.
6. **Evans V.** Round-Up. Longman, Pearson ELT, 2009.

REPRESENTATION OF EVIDENTIAL MEANINGS BY THE PAST SIMPLE TENSE FORM IN THE ENGLISH LANGUAGE

Lutfullina Gyul'nara Firdavisovna, Doctor in Philology, Associate Professor

Kadyrova Luiza Basirovna

Kazan State Energetics University

gflutfullina@mail.ru; luiza1206@mail.ru

The article is devoted to investigating the representation of evidential meaning by the Past Simple tense form in the English language. The authors investigate the specifics of functioning of this form under representation of the situation of informing and the situation of the reported event, also considering the preferential compatibility in the poly-predicative complexes.

Key words and phrases: non-personal access to information; indirect evidentiality; situation of informing; situation of event; tense form; temporal context.

УДК 8; 821.14

Филологические науки

Статья посвящена анализу метафоры пути в житиях византийских святых. Исследование основано на принципах когнитивной теории метафоры и направлено на выявление метафорических моделей в зависимости от понятий, которые обозначаются с помощью метафоры пути. В ходе работы сравнивается библейская и житийная метафорика пути, прослеживаются изменения и развитие метафорических образов.

Ключевые слова и фразы: византийская литература; метафора; агиография; путь; когнитивная теория метафоры; святые.

Мантова Юлия Борисовна

Московский государственный гуманитарный университет

july8@mail.ru

ДОРОГА В МЕТАФОРИЧЕСКОМ ЛАНДШАФТЕ ВИЗАНТИЙСКОЙ ЖИТИЙНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ[©]

Метафорическое употребление образа пути или дороги является распространенным явлением во множестве культур. В. Н. Топоров в работе «Пространство и текст», говоря об особенностях мифопоэтического пространства, описывает мифологему пути в конфуцианстве, даосизме, а также в иудейской, христианской, буддистской традициях. Общим для них является то, что соответствующее вероучение, свод нравственных правил представляются как путь, которому надо следовать, который можно найти или потерять [6, с. 267-269].

Это в полной мере характерно и для текстов византийской агиографии. Однако в данной статье мы не будем рассматривать метафорику пути как особенность мифопоэтического или религиозного сознания. Мы попытаемся при работе с нашим материалом применить достижения в области собственно теории метафоры.

В течение нескольких последних десятилетий явлению метафоры уделялось значительное внимание. Природа и бытование ее исследовались литературоведами, лингвистами, философами. Переоценивая и переосмысляя это явление, ученые приходили к выводу, что оно, несомненно, представляет собой нечто большее, чем один из тропов¹. Самое широкое признание и известность среди подобных исследований приобрела книга Дж. Лакоффа, М. Джонсона «*Metaphors We Live By*» [14], во многом сформировавшая принципы современной когнитивной лингвистики. Согласно им, метафора принадлежит не только языку, т.е. словам, она принадлежит процессам человеческого мышления. Это механизм, с помощью которого люди думают и понимают, структурируют свои ощущения, поведение, отношения с другими людьми. Такой взгляд позволяет уйти от рассмотрения метафоры пути как особенности мифопоэтического или религиозного сознания и оценить ее с более широких общекультурных позиций.

Опыт подобного исследования содержится в статье О. В. Лавреновой «Культурный ландшафт как метафора» [2], где анализируются с точки зрения когнитивной теории метафоры географические образы в целом. Автор высказывает тезис о том, что область взаимоотношений культуры и пространства имеет метафорическую природу. Пространство, ландшафт и его части могут выступать в качестве метафоры, и именно в процессе метафоризации создается множество смысловых коннотаций, за счет которых происходит передача непередаваемой культурной информации.

В этом, собственно, и состоит основная идея теории Лакоффа и Джонсона. Метафора нужна для того, чтобы уяснить что-то более сложное, абстрактное через более простое, видимое и ощущаемое. Механизм этот описывается как взаимодействие двух структур знаний – структуры «источника» (то, с чего происходит перенос значения, т.е. сигнификат) и структуры «цели» (то, на что переносится значение, т.е. денотат). В процессе метафоризации некоторые области цели воспроизводятся по образцу источника – происходит «метафорическая проекция» [1, с. 9]. Область источника в когнитивной теории метафоры представляет собой обобщение опыта практической жизни человека в мире. Это относительно простые когнитивные структуры, постоянно воспроизводящиеся в процессе физического взаимодействия человека с действительностью [Там же, с. 11]. Одна из них – это путь.

Характерной чертой процесса метафоризации является то, что в области цели высвечиваются только отдельные свойства источника. Удивительно, что они могут значительно различаться или, наоборот, стабильно повторяться. Исходя из таких наблюдений, говорят о «денотативном разнообразии» или «денотативной стабильности» метафоры в рамках корпуса контекстов [Там же, с. 13].

Данная статья посвящена анализу целей, которые метафорически обозначаются при помощи образа пути (ὁ δρόμος – др.-греч. путь, ἡ ὁδός – др.-греч. дорога, улица, ἡ πορεία – др.-греч. путь, и др.) в контексте византийских житийных текстов периода расцвета этого жанра, IX–XI вв. Также представляется возможным проследить, какие метафоры перешли из библейской традиции и остались неизменными, какие приобрели новое развитие, а какие являются собственно византийскими.

В первую очередь следует сказать, что этот метафорический образ является чрезвычайно распространенным. Достаточно посмотреть на употребление слов «ὁ δρόμος» (др.-греч. путь), «ἡ ὁδός» (др.-греч. дорога, улица) в нашем контексте по электронной базе древнегреческой и византийской литературы *Thesaurus Linguae Graeca - TLG* [21]. Примечателен уже тот факт, что они гораздо активнее употребляются в интересующих нас переносных смыслах, чем в прямом. И это отнюдь не объясняется частотой цитирования Библии, поскольку в текстах в большом объеме наблюдается именно авторское употребление данных метафор, чему уделяется основное внимание в нашей работе.

Нами выделено несколько основных метафорических моделей, источником в которых служит образ дороги: жизнь – это дорога; речь, повествование – это дорога; способ, методика – это дорога, поведение человека – это дорога. Абсолютное большинство употреблений приходится именно на первую группу.

В рамках метафорической модели «жизнь – это дорога» существует широкий набор вариаций, но общим для них является представление не о жизни вообще, а, скорее, о христианской жизни. Впрочем, скорее всего, агиографы не видели разницы между этими смыслами.

По сути, эту метафору можно считать одним из проявлений онтологического концепта «время – это дорога». Здесь из области источника берется видимая, осязаемая продолжительность – протяженность пути, но в нашем контексте добавляется одновременно вторая составляющая – сложность этого пути. Если в Ветхом Завете основной аспект – противопоставление прямого и кривого пути² (Пс. 124:4,5, Ис. 40:4, Прит. 2:9-15)³, то в Новом Завете впервые появляется новый образ – «узкий» путь. Здесь наблюдается некоторая инверсия. В ветхозаветных книгах путь Бога, истины, света прямой и широкий, он доступен всем: «И будет там большая

¹ Важнейшие статьи, представляющие этапы развития научной мысли, представлены в сборнике «Теория метафоры» [5].

² Об этом пишет В. Н. Топоров [6, с. 268].

³ Благоволити, Господи, добрым и правым в сердцах своих; а совращающихся на кривые пути свои да оставит Господь ходить с делающими беззаконие. Мир на Израиля! (Пс. 124:4,5). Всякий дол да наполнится, и всякая гора и холм да понизятся, кривизны выпрямятся и неровные пути сделаются гладкими (Ис. 40:4). Тогда ты уразумеешь правду и правосудие и прямоту, всякую добрую стезю. <...> дабы спасти тебя от пути злого, от человека, говорящего ложь... от тех, которые оставляют стези прямые, чтобы ходить путями тьмы... которых пути кривы, и которые блуждают на стезях своих (Прит. 2:9,12,13,15).

дорога, и путь по ней назовется путем святым: нечистый не будет ходить по нему; но он будет для них одних; идущие этим путем, даже и неопытные, не заблудятся (Ис. 35:8)». Задача человека – просто не свернуть с этой проторенной дороги. Образ же «узкого» пути, наоборот, говорит о трудности этой дороги и ее предназначении для избранных: «Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их (Матф. 7:13,14)». Такой образ в новозаветных книгах обнаружен только один раз, но именно эта трактовка метафоры получила самое интенсивное развитие в византийских житийных текстах. Она значительно расширяется и детализируется, становясь все более и более конкретной, иконичной, по выражению Поля Рикера¹, и, следовательно, более действенной в когнитивном смысле.

Во-первых, эта метафорическая дорога обретает четкое направление. Она направлена или просто на восток, или к небесному Иерусалиму, Царствию небесному: «...открой и мне, о господи, врата милости твоей и возведи в вышний Иерусалим по совершении здешнего пути» [9] (TLG. Vita Vacchi Junioris, Ch. 5, line 24 [21]).

Во-вторых, описывается, насколько именно она узка, а также какие опасности подстерегают оступившегося справа и слева. В житии св. Пахомия² один из героев, отец Феодор, представляет целую метафорическую картину, которая призвана повлиять на сознание монахов и разъяснить, как следует жить истинному христианину.

Представьте скалу, уходящую под самые облака, высокую, узкую и труднодоступную, шириной в четыре фута. Вокруг нее и под нею бездонная пропасть, простирается же она с запада на восток. Вот это и есть путь к Богу. Когда человек получает крещение... он отправляется в дорогу, ведущую на восток. Давайте же помнить не только о бездне, но и о том, как узка дорога, ведь, если кто чуть оступится – он погиб... Слева от этой дороги порочное плотское вождление, справа – гордыня, которые и есть та бездонная пропасть. Тот же, кто пристойно и со страхом пройдет по пути до конца, достигнув востока, тот обретет спасителя, восседающего на троне славы и венчающего вечным венцом всех, кто твердо шел к нему [15] (TLG. Vita Pachomii (e codice Atheniensi 1015 collato Ambrosiano D 69 Sup.). Ch. 140, lines 14-22 [21]).

Путь для каждого христианина, описанный выше, имеет также более узкий вариант – путь аскезы или мученичества. Естественно, что в агиографической литературе это чрезвычайно устойчивая и распространенная метафора. В данном случае, кроме идеи тяжести пути, транслируется также его исключительность, предназначенность для избранных. В житии сорока двух Аморийских мучеников Евагрий пишет о них: «Дорога [мученичества], ведущая большинство людей к гибели, для них стала спасением и входом в Царствие небесное» [3, с. 77].

Употребление этой метафоры в мученичествах становится практически формулой. Из текста в текст повторяются одни и те же слова о смерти мучеников: «[вы] путь завершили, веру сохранили» [18] (TLG. Menologii Imperiales Passio sanctorum Hermuli et Stratonici (BHGn 745b) (e cod. Baltimorensi 521). Ch. 8, lines 5-6 [21]). Здесь выявляется еще один аспект источника, который переносится на область цели – это конечность пути. Завершить путь – значит окончить жизнь, погибнуть. Причем в данном случае это не просто смерть, это смерть за веру. В каком-то смысле такая гибель и есть вера, ее высшее проявление, что абсолютно точно выражается метафорой.

В контексте другого типа житийных текстов, жизнеописания святых, наибольшую актуальность имеет путь благочестия, аскезы, подвижничества. На наш взгляд, кроме идеи аскезы, важной смысловой составляющей является временная протяженность. Этот путь обозначает жизнь святого как промежуток времени. В таком употреблении завершить путь – это просто умереть: «...и там почил, окончив в покое и страхе Божьем свой путь» [22] (TLG. Vita sancti Arsenii, Section 14, lines 601-602 [21]). В житии св. Андрея Юродивого очень интересно еще одно употребление, связанное с обозначением времени: «А вот те, кто достойно прошел путь святой четырёхдесятницы» [20, р. 362]. Встречается также и привычное для нас выражение «отправиться в последний путь» [9] (TLG. Vita Vacchi Junioris. Chapter 6, line 29 [21]).

1. Наряду с метафорой «дорога аскезы, подвижничества» для описания жизни святых часто используется выражение «царская дорога». Оно обозначает, что на пути к вечной жизни истинный подвижник, избрав себе в качестве ориентира заповеди Христовы или пример духовных наставников, оказывается на широкой и безопасной дороге, т.е. путь, который для обычных людей крайне сложен и опасен, перестает таковым быть для святых. Так значение этой метафоры объясняется в житии св. Стефана Нового [8] (TLG. Vita Stephani Junioris. Section 17, lines 35-55 [21]). Источником же для нее, вероятно, является образ Месе – главной улицы царствующего города, Константинополя.

Интересной особенностью является то, что периодически происходит полное слияние прямого и переносного смыслов. Зачастую авторы пишут, что физически отправляясь в путь, выходя на дорогу или садясь на корабль, святой тем самым вступает на путь благочестия, ведущий к вечной жизни, или своим путешествием укрепляет основы веры. В житии св. Давида, Симеона, Георгия Лесбосских автор пишет об их отбытии в столицу на собор 843 г. так: «Когда божественная двоица отцов... отправилась в Константинополь, они ступили на исповеднический путь, укрепили Божью церковь и утвердили благочестие православия» [7, р. 252-253]. А в житии Лазаря Галисийского представлен замечательный диалог подвижника с только что забравшимся на гору Галисия последователем. На жалобу последнего о перенесенном тяжком восхождении Лазарь отвечает: «Трудна и терниста дорога, ведущая к вечной жизни, и требует она многих потов и усилий» [23, р. 544]. С этими примерами

¹ Поль Рикер называет «иконичностью» свойство метафоры «показывать» смысл, который она выражает [4, с. 417].

² Житие св. Пахомия не относится к средневизантийскому периоду, который в основном рассматривается в данной статье. Текст датируется IV в., тем не менее образ дороги, представленный в нем, слишком ярок, чтобы оставить его без внимания.

очень схоже употребление слова «εὐδοῶ», которое в классическом языке обозначало «вести хорошим путем, достигать успеха». В нашем контексте смысл его перемещается скорее к благословению в дорогу, пожеланию хорошего пути. Причем одновременно передается и прямое, и переносное значение. Это пожелание не только удачно добраться до места назначения, но и исполнить свое христианское предназначение. В житии св. Григения отшельника Артад, отправляя святого в дальний путь для совершения важной и трудной миссии, благословляет его такими словами: «Народ Иудеев заставит тебя сильно потрудиться в словесном состязании, поэтому ты должен готовиться с этого самого момента, ведь тебе придется говорить с ними и склонить их упрямство к Господу. Однако Господь наш и в этом уготовит тебе хороший путь (εὐδοῶζ εἰ)» [16, р. 338].

2. Прослеживая употребление слова «ὁ δρόμος», мы отметили еще один вариант метафоры «жизнь – это дорога». В некоторых случаях в качестве источника берется не общее значение «путь, дорога», а обозначение конкретной реалии, а именно беговой дорожки на стадионе, где происходят состязания. Здесь наша метафора смыкается с другой важнейшей метафорической моделью «святой – это атлет». Например, в житии императрицы Феодоры есть такой пассаж: «Состязание было великое, и атлеты не из простых людей, и не за какие-то безделушки или веночки они боролись, но за Царствие небесное и вечные блага. Ристалище же [их] состояло в кровопролитии, и беговая дорожка являла собой ров, наполненный кровью. Опасность заключалась в благочестии, а венком было Царствие небесное» [10] (TLG. Vita Imperatricis Theodoraе. Ch. 2, lines 8-11 [21]). Сходное употребление есть и в житии Симеона Нового Богослова: «Его [святого] можно было каждый день видеть, словно на стадионе, воодушевленным и разгоряченным от бега по кругу заповедей Христовых. Ни на кого из людей он не обращал внимания, будучи исполнен вниманием и страсти только к духу» [13] (TLG: Vita Simeonis Novi Theologici. Ch. 26, lines 1-5 [21]). Здесь важен несколько другой оттенок передаваемого смысла – страсть, с которой святые предаются служению Богу.

Еще одним частым вариантом использования образа пути в рамках модели «жизнь – это дорога» является путь, персонифицированный в образе Христа. Истоком его является новозаветная традиция, в которой рождается этот образ [6, с. 269]: «–А куда Я иду, вы знаете, и путь знаете?». Фома сказал Ему: –Господи! не знаем, куда идешь; и как можем знать путь?». Иисус сказал ему: —Ясмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня?» (Евангелие от Иоанна, 14:4,5,6). В житиях мы видим, с одной стороны, неоднократное повторение этих слов в том или ином варианте¹, но с другой – есть и продолжение в развитии образа. Подобно Христу, святые и мученики тоже становятся путем спасения для почитающих их людей. В житии св. Илии Нового агиограф так оценивает нравственные достижения своих героев: «[Илия и Даниил]... для многих стали дорогой спасения, отвратив их от зла и повернув к благочестию» [19, р. 45-46].

К метафорической модели «жизнь – это дорога» можно отнести также и пример, когда дорога передает идею устройства, формирования жизненных обстоятельств, поворотов судьбы. Вероятно, в христианской традиции это следует назвать провидением, но интересно, что в самом тексте автор не использует этого слова. Мы говорим о фрагменте из жития св. Арсения, когда один из монахов резко высказывает свое недовольство настоятелю монастыря из-за того, что сам великий Арсений, больной и ослабленный, лежит на голом полу в церкви, не имея ни одеяла, ни какой-либо подстилки.

Настоятель спрашивает: «Ты чем занимался в своей деревне?». Монах отвечает ему: «Я был пастухом». «Ну и как, – говорит, – тебе жилось?». Он отвечает: «В тяжких трудах». Настоятель опять спрашивает: «Ну а сейчас чем занимаешься в своей келье?». Монах отвечает: «Да все больше отдыхаю». На это старец сказал: «Посмотри на отце Арсения! В миру он был отцом царей, и тысячи слуг с золочеными поясами, разодетые в сирийские ткани и ожерелья, повиновались ему, и спал он на роскошной постели. А ты был пастухом, и не было у тебя в миру того отдохновения, которое есть теперь. Он же, наоборот, остался без роскоши, которую имел раньше. Вот так и получается, что ты отдыхаешь, а он страждет». Выслушав это, монах стал сокрушаться и каяться, говоря: «Прости меня, отче, я согрешил. Воистину, справедлива такая дорога, что он пришел к страданиям, а я к отдохновению» [22] (TLG. Vita sancti Arsenii Section 13, lines 505-522 [21]).

Сходное значение метафоры есть также в житии св. Андрея Юродивого, где возникает образ «среднего пути», призванный продемонстрировать, что служение Господу представляет собой некую середину между двумя крайностями. В отличие от предыдущего примера, в этом случае очевидно, что устройтелем данной системы является сам Господь. Попадая во сне в царствие небесное, Андрей встречает там Царя небесного, который объясняет блаженному, как Он устраивает жизнь своих последователей. Сначала святому дают попробовать что-то сладкое и невероятно приятное на вкус, а потом, наоборот, что-то очень горькое. Почувствовав удовольствие от первого угощения, Андрей забыл о нем, как только ощутил горечь второго.

Это слишком горько, о Господи, и никто не сможет служить тебе, если придется такое есть. Царь сказал: «Что же ты, как только горькое попробовал, о сладком тут же забыл? Разве я не дал тебе сначала сладкого, а уж потом горького?». Он же ответил: «Да, мой господин, но только через горечь ты показал, что такое узкая дорога». И тогда сказал царь: «Нет, не бывает так, чтобы было только горько или только сладко, ибо *посредине пролегает путь* (курсив автора – Ю. М.). Попробовав горькое, ты понял, каково сражаться и трудиться ради меня, а сладкое и приятное дается благодаря моей доброте как отдохновение и утешение тем, кто за меня страдал» [20, р. 26].

При помощи метафоры «среднего пути» может описываться и поведение человека, который не впадает в крайности. Например, агиограф Ильи Нового так пишет о характере своего героя: «В общении он [святой]

¹ Например, в житии св. Андрея Юродивого: «Начало всякой дороги есть Христос... и повсюду его называют главой церкви, поскольку Он первый показал всякую дорогу, ведущую в рай...» [20, р. 226].

был приятен, прост, обходителен. Придерживаясь среднего пути, он не впадал ни в гордыню, ни в полное самоуничтожение» [19, p. 50].

3. Вероятно, к области человеческого поведения следует отнести и метафору «мысленного пути». Используя ее, автор энкомия св. Диомеду Никита Пафлагон передает внутреннее состояние святых, чистоту их помыслов и намерений: «...Господь, познавший все еще до своего рождения, знал и своих святых, отличая их по прямоте и чистосердечию... знал их земные пути, и телесные, и мысленные» [11] (TLG. *Encomium sancti Diomedis*. Lines 396-401 [21]).

Вышеописанные примеры имеют высокую частотность употреблений, что говорит о денотативной стабильности метафоры в данной культуре, но кроме них встречаются также и более редкие образы, свидетельствующие о ее денотативном разнообразии. Следовательно, метафора пути не только устойчива, но и обладает достаточно широкими возможностями для использования.

Это менее распространенные случаи, но они представляют особый интерес, поскольку не связаны с религиозным контекстом. Один из них – это обозначение речи, повествования. С помощью образа дороги транслируется протяженность речи во времени, что дает возможность говорить о ее начале, конце или о любой другой точке: «Мы же, владея языком в достаточной степени, чтобы перечислить все труды, совершенные блаженным для совершения чудес, дойдя до этого места в нашем рассказе (μέτρι τρήρησ τὴν τοῦ λόγου δρόμον ἀνύζαντες), далее предпочтем благость молчания» [12] (TLG. *Vita Tarasii patriarchae*. Ch. 68, lines 4-7 [21]).

Второй пример – это традиционное для классического древнегреческого языка метафорическое значение слова ἡ ὁδός «метод, способ», которое сохранилось и в византийский период. В житии Патриарха Никифора есть такие слова героя, обращенные к императору: «Есть только один способ (ὁδός), о царь, правильно рассудить, увидеть и понять...» [17, s. 179].

Совершив обзор метафоры пути в византийской житийной литературе, можно с уверенностью сказать, что абсолютное большинство употреблений этой метафоры нам сегодня понятно, а зачастую они коррелируют с нашими собственными современными метафорическими образами, связанными с дорогой (повороты судьбы, спутник/спутница жизни, пойти по плохой дорожке, идти верной дорогой, заблуждаться, блудить, пройти испытания и т.д.). Более того, метафоры, которые использовались тысячу лет назад, продолжают исправно выполнять свою функцию в рамках религиозной литературы, донося до сознания современных людей смысловые оттенки христианского учения. Вероятно, существует не одно объяснение такой удивительной устойчивости, но, несомненно, одним из важнейших факторов может считаться теория Лакоффа – Джонсона [14], постулирующая метафорический принцип человеческого восприятия и мышления.

Список литературы

1. Баранов А. Н. Предисловие редактора // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: URSS, 2008. С. 7-21.
2. Лавренова О. В. Культурный ландшафт как метафора // Философские вопросы. 2010. № 6. С. 92-101.
3. Никитин П. В., Васильевский В. Г. Сказания о 42 Аморийских мучениках. СПб.: Императорская Академия Наук, 1906.
4. Рикёр П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение // Теория метафоры / сост. Н. Д. Арутюнова. М.: Прогресс, 1990. С. 416-456.
5. Теория метафоры / сост. Н. Д. Арутюнова. М.: Прогресс, 1990. 512 с.
6. Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983. С. 227-284.
7. *Acta graeca sanctorum Davidis, Symeonis et Georgii Mitylenae in insula Lesbo*, ed. van den Gheyn // *Analecta Bollandiana*. Vol. 18. 1899.
8. Auzépy M.-F. La Vie d' Étienne le Jeune par Étienne le Diacre // *Birmingham Byzantine and Ottoman monographs* 3. Aldershot-Brookfield: Variorum, 1997. P. 87-177.
9. Άγιος Βάκχος ὁ Νέος, ed. Ph. Demetarakopoulos // *Ἐπιζητητικὴ Ἐπετηρὶς τῆς Φιλοζωτικῆς Στολῆς τοῦ Πανεπιστημίου Ἀθηνῶν* 26. 1979. ζ. 344-350.
10. Βίος τῆς αυτοκρατορίας Θεοδώρου (BHG 1731) / ed. A. Ph. Markopoulos // *Σύμμεικτα* 5. 1983. Σ. 257-271.
11. Dorival G. Le Commentaire sur les Psaumes de Nicéas David (début du 10e siècle) // *Revue des études byzantines*. 39. 1981. P. 272-296.
12. Efthymiadis S. The Life of the Patriarch Tarasios by Ignatios the Deacon // *Birmingham Byzantine and Ottoman monographs* 4. Aldershot. England: Ashgate, 1998. P. 69-168.
13. Hausherr I. Un grand mystique byzantin. Vie de Syméon le Nouveau Théologien par Nicéas Stéthatos // *Orientalia Christiana* 12. Rome: Pontificum Institutum Orientalium Studiorum, 1928. P. 1-230.
14. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 242 p.
15. *Le corpus athénien de saint Pachome* / ed. F. Halkin // *Cahiers d'Orientalisme* 2. Genève: Cramer, 1982. P. 11-72.
16. *Life and Works of Saint Gregentios, Archbishop of Taphar* / ed. A. Berger. Berlin: Walter de Gruyter, 2006.
17. *Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani opuscula historica* / ed. C. de Boor. Leipzig: Teubner, 1880.
18. *Passio sanctorum Hermyl et Stratonici. Le ménologe impérial de Baltimore* / ed. F. Halkin // *Subsidia hagiographica* 69. Brussels: Société des Bollandistes, 1985. P. 157-164.
19. Rossi Taibbi G. Vita di Sant' Elia il Giovane. Palermo: Istituto Siciliano di studi bizantini e neoellenici, 1962.
20. *The Life of Saint Andrew the Fool* / ed. Lennart Rydén. Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensis, *Studia Byzantina Upsaliensia* 4:2, 1995. Vol. II.
21. *Thesaurus Linguae Graecae* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tlg.uci.edu> (дата обращения: 21.04.2014).
22. *Vita S. Arsenii*. *Hagiographica inedita decem* / ed. F. Halkin // *Corpus Christianorum. Series Graeca* 21. Turnhout: Brepols, 1989. P. 91-110.
23. *Vita S. Lazari*. *Acta Sanctorum Novembris*. Brussels: Société des Bollandistes, 1910. T. III. P. 508-588.

ROAD IN METAPHORICAL LANDSCAPE OF THE BYZANTINE HAGIOGRAPHY

Mantova Yuliya Borisovna

Moscow State University for Humanities

july8@mail.ru

The article is devoted to the analysis of the metaphor of way in the Byzantine saints' lives. The study is based on the principles of the cognitive theory of metaphor and aims at identifying the metaphorical models depending on the notions that are denoted by means of the metaphor of way. In the course of the work the biblical and hagiographic metaphors of way is compared, and the changes in metaphorical images development are traced.

Key words and phrases: the Byzantine literature; metaphor; hagiography; way; cognitive theory of metaphor; saints.

УДК 821.161.1

Филологические науки

Материалом исследования стала поэтическая книга Татьяны Бек «Сага с пометками». Статья отражает опыт применения оригинального программного комплекса «Гипертекстовый поиск слов-спутников в художественном тексте», который позволяет обнаружить повторяющиеся лексические комбинации в творчестве того или иного автора. На основе полученных результатов изучена семантика повторяющихся лексических комбинаций и их место в композиции книги стихов.

Ключевые слова и фразы: лексические комбинации; слова-спутники; поэтическая книга; композиция; Татьяна Бек; программный комплекс «Гипертекстовый поиск слов-спутников в художественном тексте».

Матаненкова Татьяна Александровна, к. филол. н.

Смоленская православная духовная семинария

mata-tatyana@yandex.ru

**МЕСТО ПОВТОРЯЮЩИХСЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ КОМБИНАЦИЙ
В КОМПОЗИЦИИ ПОЭТИЧЕСКОЙ КНИГИ[©]**

Одним из факторов, обеспечивающих целостность замысла авторской книги стихов, ее системное единство, является единство тематики и мотивов. Вслед за В. М. Жирмунским, Ю. Н. Тыняновым, Б. В. Томашевским, В. Б. Шкловским мы рассматриваем каждое знаменательное слово в поэтическом тексте как тему. Переходя из одного произведения автора в другое, повторяясь, минимальные темы приобретают статус тем всего творчества поэта. Взаимодействуя, «словесные», то есть минимальные темы образуют большие сюжетные темы [4, с. 30]. В. Б. Шкловский уподобляет их вагнеровским лейтмотивам [6, с. 72]. Для выявления и исследования повторяющихся лексических комбинаций в поэтических текстах, лейтмотивов в рамках госзадания Министерства образования и науки на базе Смоленского государственного университета был создан программный комплекс «Гипертекстовый поиск слов-спутников в художественном тексте» (авторы: Л. В. Павлова, И. В. Романова, Т. А. Самойлова) [5]. Функциональные возможности программного комплекса предполагают создание частотного списка словоформ заданного текстового массива с гиперссылками, позволяющими обнаружить любую лексему в тексте. Этот частотный список служит базой для создания частотного словаря. Основная задача и возможность программы состоит в поиске лексических комбинаций (пар, троек, четверок – по замыслу исследователя), соседство которых повторяется в заданном текстовом интервале (например, в рамках стихотворения) в большом текстовом массиве – гипертексте (например, в поэтической книге). Обнаруженные слова-спутники также снабжаются гиперссылками к исходному тексту для удобства поиска.

Результатом творчества Татьяны Бек становились поэтические книги, их поэссеса рассматривала как обязательно структурированную стихию духа, как лирический роман в главах со своим сюжетом, композицией, лирическим героем и сквозной мелодией, на которой держится пестрота ритмов, интонаций, строфики [2, с. 31]. В данном исследовании мы задались целью с помощью программного комплекса выявить повторяющиеся лексические комбинации и проследить их место в композиции поэтической книги. Материалом исследования стал раздел «Отсебятина» книги Татьяны Бек «Сага с пометками». Данная книга является последней прижизненной авторской книгой поэссесы. Каждый раздел в ней представляет собой подборку стихотворений из предыдущих книг, последний раздел – «Отсебятина» – состоит из новых стихотворений на момент выхода издания, поэтому с известной долей условности этот раздел можно воспринимать как самостоятельную поэтическую книгу.

С помощью программного комплекса «Гипертекстовый поиск слов-спутников в художественном тексте» в разделе «Отсебятина» было выявлено 412 пар лексем с числом повторов каждой от трех и более. Число «три» в данном случае – допустимая доверительная частота, которая, с точки зрения математической статистики,